

чая вопросы, затрагивавшие их экономический личный интерес. Эта ситуация не изменилась.

РЖ *Президента Обаму причисляют к прогрессистам в американском смысле этого слова. Насколько это корректно?*

Корректно, хотя это мало что добавит к нашему пониманию. Это означает, что он верит в роль государства в деле ограничения неравенства; он верит в толерантность относительно взглядов и действий других народов; это означает, что он, вероятно, предпочтет дипломатию войне; и это означает, что неравенство и несправедливость подвигнут его на нечто большее, чем абстрактные требования свобод и минимального государства. Но это фактически почти не затрагивает его политику и часто бывает сведено к риторическим намекам.

РЖ *Как можно описать американский прогрессизм? Является ли он на самом деле «прогрессизмом»?*

В отличие от европейской версии прогрессизма, американская всегда была морализаторской и не очень идеологической. Как я уже говорил выше, это касалось возмущенной реакции на несправедливость и поддержку активного государственного вмешательства в экономику, но не значительного вмешательства государства в культурную или в частную жизнь. Как правило, эти тенденции усиливались в периоды сильного неравенства (1830-е, 1910-е, Новый курс и последующие периоды). По этой причине нам следует ожидать всплеска прогрессизма в ближайшее время в виде и озлобленной реакции на прямотаки непристойное неравенство времен правления Клинтона и Буша. Мы это увидим.

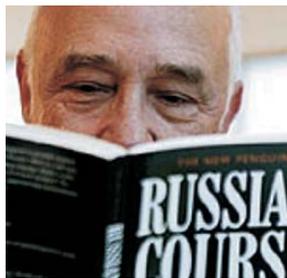
РЖ *Лично вы, разделяете ли вы идею прогресса?*

Не в старом, строгом смысле «Прогресса» как чего-то такого, что мы можем обнаружить в истории и с чем мы можем солидаризироваться в уверенности, что мы точно знаем, что это значит. Но я действительно верю в прогресс со строчной буквы «п»: в рост усовершенствований в управлении, в улучшение условий тех, кто находится в непривилегированном положении, в верховенстве закона, в уменьшение несправедливости и неравенства и т.д. Если все это вместе составляет «прогресс», тогда я разделяю и поддерживаю все это.

Что больше всего нужно «прогрессистам» России и Запада, так это ощущение первичности конституционной системы правления, потребность в активном государстве, управляемом и ограничивающем себя собственными законами, но в случае необходимости способном действовать от имени собственных граждан. Если мы согласимся в этом пункте, то у нас все получится. ■

Беседовали Никита Куркин и Юлия Нетесова

ПРОГРЕССИЗМ — ЭТО КЕЙНСИАНСТВО

РОБЕРТ СКИДЕЛЬСКИ, БАРОН ТИЛТОНСКИЙ, — британский историк и экономист, пожизненный пэр Англии, профессор политической экономики Варвикского университета, лектор по истории Оксфордского университета, член Британской академии, автор трехтомной биографии знаменитого экономиста Джона Мейнарда Кейнса.

Специально для РЖ

Прогрессизм снова в моде. Прогрессизм в том понимании, в котором его традиционно определяют (многоукладная экономика, социальная справедливость), уже реабилитирован.

Эта идеология была объявлена якобы «дискредитированной» в годы так называемой Великой модернизации — эпохи, которая ознаменовалась слабыми правительствами и усугубляющимся социальным неравенством. Но глобальный экономический спад 2007—2009 годов воскресил к жизни необходимость социального равенства и более активного правительства в экономику. Первый аргумент для прогрессистского ренессанса — глубокое социальное неравенство усугубляет экономическую нестабильность. Второй аргумент был воссоздан дефолтом.

Прогрессивизм сегодня — это движение назад, это возвращение к Кейнсу. Прогрессисты благоволят многоукладным экономикам, жестко регулируемому финансовому сектору. Они подписываются под идеей, впервые высказанной именно британским экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом, о том, что правительства должны гарантировать, что со-

вокупного спроса достаточно для удержания уровня полной занятости, а значит, и необходимости в многоукладной экономике. Сокращение финансового сектора оправдано, потому что, как сказал Кейнс, «когда капитал развития государства становится побочным продуктом деятельности казино, скорее всего, работать будут плохо».

Сейчас возникла ситуация, когда у России и Запада больше идеологически общего, чем наоборот. Программа премьер-министра Путина по повышению эффективности бюджетных расходов, которая должна быть принята в апреле этого года, предусматривает значительные производственные повышения расходов на оборону и социальную помощь. Последнее — явно «прогрессивная» мера, хотя ее эффективность можно повисить, увеличив размер начислений бедным. Однако для того, чтобы действительно заслужить звание «прогрессивного» политика, Путину вновь придется доказать, что эти подвиги были сделаны в интересах российского народа, а не правящего истеблишмента. ■